

Ирина
Воробей

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЦЕПЬ

18+

ОТВЕРЖЕННЫХ

Ирина Воробей
Цепь отверженных

«Автор»

2020

Воробей И.

Цепь отверженных / И. Воробей — «Автор», 2020

Марк ненавидит себя. Вера любит его. Она сама ему отдастся, но он всего лишь мстит ее брату. # сложный герой # адекватная героиня # глубокие чувства # эмоционально и откровенно # любовь и страсть # первая любовь # первый раз

© Воробей И., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1. Одноразовая салфетка	5
Глава 2. Цепь отверженных	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ирина Воробей

Цепь отверженных

Глава 1. Одноразовая салфетка

Марк смотрел на Веру с ледяным пламенем в глазах, которое зажигалось, когда он хотел секса. Жидко-коричневые зрачки, словно разбавленный черный чай, поблескивали в приглушенном свете от экрана телефона.

Он не моргал. Наслаждался подаренным видом стройного тела, слишком белого и чистого, нетронутого. Так и хотелось его испортить.

Пламя, от которого больше веяло холодом, нежели теплом, заставляло Веру волноваться. В отличие от Марка она вся кипела. Ей было плевать, что он смотрит куда-то сквозь и мечтает о другой, главное, что с ним – она.

Его длинная скульптурная фигура возвышалась на вытянутых руках. Расстегнутая рубашка краем нежно касалась ее живота, заставляя вздрагивать и сжиматься от щекотки и возбуждения. Даже вечерняя прохлада не могла остудить тот пыл, который разбушевался внутри нее.

Марк ухмыльнулся, заметив, как Вера вся дрожит. Это его заводило. Он любил девственниц. Они трепетали под ним, как нежные птенцы, и восхищались им, как богом. А Вера трепетала больше всех, потому что долго ждала этого события. Она ведь любила Марка с детства. И не могла поверить теперь собственному счастью, хоть в его глазах и блестела наледь равнодушия.

Отдаленный и приглушенный глас разума твердил Марку, что нельзя этого делать, но кричащее либидо и алкоголь заглушали все здравые мысли, хотя в затылке било ключом: «Ублюдок». Он был пьян. Сильно пьян. Настолько, что плохо соображал, где находится, с кем и для чего. Когда Вера вошла, буквы на желтых страницах безвкусного детектива расплылись перед его глазами, зато ее решительное лицо он видел отчетливо. Каждую ресницу и каждую морщинку на губах.

Трудно было устоять перед таким соблазном, ведь Вера буквально сама влетела в его когтистые лапы. Высокая, со стройными ногами и грудью самого того размера, чтобы и пощупать, и посмотреть, и не вульгарно. От густых каштановых волос разило костром, невинностью и желанием. Гладкая кожа издавала легкий аромат чего-то сладкого с молочным.

Вера долго добивалась его внимания. И лучшего подарка на выпускной было не придумать. Остальные праздновали окончание университета, она – школы. Вера сама напросилась в поход вместе с братом и его однокурсниками, только ради этой возможности – отдаться детской любви. Игорь с Мариной и другими ребятами купались в озере. Марк, никогда не любивший такие сборища, поставил палатку на окраине поляны и читал книгу, когда Вера вошла.

За тонкой стеной из брезента шумела пьяная компания. Плескалась, резвилась, кричала. И лишь между ней и Марком зависло плотное молчание, сладкое и терпкое одновременно, почти осязаемое, по ощущениям вязкое. Они еще ни слова друг другу не сказали.

В палатке было душно. Вера громко и часто дышала и быстро нагревала крохотное помещение своей горячностью. Марк, спокойный и расслабленный, нежно касался носом ее шеи, волос, лица, вдыхая естественный аромат, еще не пропитанный духами, жизненным опытом и алкоголем.

Он коснулся шелкового лба Веры. Дрожь пробежала по ее позвоночнику и забилась в низу живота. Марк снова улыбнулся. Спустился на переносицу, скользнул на кончик носа и наконец достиг губ.

Сила ее поцелуя передалась ему. Марк тоже весь встрепенулся. Пухлые губы излучали юность и страсть. Это чувствовалось в каждом ее глубоком вдохе и дрожащем выдохе. Ему нравилось убивать невинность. Нечто цельное и нетронутое вдруг разрывалось и уже никогда не подлежало восстановлению, как и его сердце, однажды разбитое. Такое он испытывал каждый раз, когда ему попадалась девственница.

Но Вера стала особым случаем. Она ведь была младшей сестрой его лучшего друга, ненавистного с тех пор, как тот начал встречаться с единственной девушкой, которую Марк любил. Пусть он не выиграл в войне, но нанес на грани поражения отчаянный удар, приносящий удовлетворение от причиненного урона противнику.

– Я мечтала о тебе, – прошептала Вера, в ответ получив лишь холодный поцелуй.

За бушевавшими вперемешку любовью и радостью она не стала придавать этому значения. А Марк торжествовал, услышав эти слова. В нем бурлили ненависть и злость. Обида буквально съедала изнутри.

Уже несколько лет как Марк потерял аппетит и замкнулся в себе. Он и раньше не отличался общительностью, но у него хотя бы был друг и возлюбленная. Втроем они весело проводили время. А потом оказалось, Марине и Игорю веселее вдвоем, а Марк остался третьим лишним. Марина ему даже шанса не дала, хотя он и не просил. Он просто не ожидал, что Игорь может из лучшего друга превратиться во врага номер один.

Марк не подал вида, продолжая тихо всем сердцем любить Марину и всей душой ненавидеть Игоря. Он притворялся, будто они такие же закадычные друзья и ему все равно на их любовь, а сам весь кипел внутри от чувства несправедливости и ревности, когда они целовались при нем. Для таких случаев он всегда носил с собой эспандер, которым якобы тренировал руки. На самом деле, сильное сжатие кулака помогало справиться со стрессом и оставаться внешне спокойным.

Он стал реже появляться на общих вечеринках и предпочитал видеться с друзьями по очереди, потому что не мог вынести их вместе. Ему хотелось, чтобы Игорю было так же больно. И вдруг судьба подбросила Веру со слепой и нелепой любовью, которую Марк тут же решил использовать.

Марк встретил рассвет в одиночестве. Сова по определению, он обычно ложился на заре, а не вставал. Но сегодняшнее утро, несмотря на то что пришлось потратить полночи на Веру, разбудило его спозаранку. Согревающие частицы света лились сквозь сетчатое оконце палатки. Вера, словно налетающий в первом полете птеник, сладко спала на его плече, когда глаза Марка открылись. Тонкая ладонь лежала на его груди. Растрепанные волосы прикрывали круглые плечи. Он аккуратно убрал руку из-под ее головы и почувствовал точечные колики от затекания.

Сжимая-разжимая кулак, Марк вышел из палатки на затихшую пустошь, в центре которой остался черный след от вчерашнего костра. Сонное солнце, позевывая из-за облаков, медленно поднималось над глухим лесом, освещая верхушки деревьев. Птицы тоже проснулись и всюю горланили.

Небольшая часть тяжелой души успокоилась. Ему стало легче. Даже если ни Марина, ни Игорь не знали о произошедшем, хоть и ночевали в одной из соседних палаток. Что творилось между ними, Марк не хотел представлять. Утешением служила голая Вера, тихо сопевшая под брезентом, точнее, то, что именно он лишил девственности младшую сестру Игоря.

Она отдалась ему сама, с такой легкостью и безответственностью, словно в кино.

«Небось, уже вообразила себя нежной невестой, пошла мне смокинг и продела безымянный палец в кольцо» – подумав об этом, Марк усмехнулся.

Чем больнее было Вере, тем слаще становилась его месть. Сегодняшнее утро вышло одним из лучших за последние годы. Давно он не испытывал такую приятность на душе.

Тяжесть, но приятность. Марк всегда сам себя ненавидел и до того привык к этому состоянию, что ощущение гордости с непривычки щекотало грудную клетку.

Да и потом, он просто получил физическое удовольствие от секса. Верино юное тело нежно извивалось под ним. Коричневые соски на круглой груди под напором языка мягко продавливались, а затем упруго выскакивали изо рта. Хотелось хватать их, непослушных и стойких, еще и еще и наказывать более сильными нажимами губ. Приятно было пройти кончиками пальцев по бархату ее живота. А затем долго и медленно вводить твердый член, не обращая внимания на писклявые охи. У него давно так не стоял. И давно после секса не наступало полное истощение, как теперь.

Подойдя к озеру, он увидел мутного себя на поверхности, улыбнулся и всунул руки в холодную, бодрящую воду. Раздраженные круги разбили отражение и растеклись волнами. Умывшись, Марк сел на рядом валявшийся булыжник и стал глядеть на то, как гармонична природа. Он любил думать. И любил одиночество. Потому любил думать в одиночестве.

В его огромной полупустой квартире обычно царил мертвое молчание, пропитанное бетоном и пластмассой. В одинокие вечера, когда он в очередной раз сидел посреди просторной гостиной и читал какую-нибудь замысловатую книгу, Марку казалось, что если в черной дыре есть звук, то он именно такой. Как вакуум, только более пустое, абсолютное ничего. А здесь, в лесу, над умиротворенной водной гладью, под кронами деревьев и в мраморной защите проглядывающих сквозь зелень скал звенела натуральная живая тишина. Марк давно не чувствовал себя таким живым.

Его покой нарушило легкое касание мягких рук. Они потрепали Марка по голове и ласково спустились на костлявые плечи. Ему хотелось лопнуть от внезапно нахлынувшей ярости. Эти спонтанные прикосновения вызвали мурашки по всему телу. Он невольно дернулся. И Вера сразу почувствовала раздражение. Она нахмурилась и села рядом.

– Доброе утро, – помолчав в недоумении, наконец сказала Вера.

– Доброе, – нехотя ответил Марк, не глядя на нее.

Ночью ему нравилось смотреть на ее голое тело, целовать ее полные губы, вдыхать аромат кожи и волос, но сейчас она казалась ему противной. Даже низкий голос резал уши. Он с силой оторвал пучок травы от корней и растер его в кулаке. Это помогало сохранять хладнокровие.

– Что с тобой? Я думала... – начала Вера, но тут же осеклась, поймав леденящий взгляд.

Непроизвольные жесты и взгляды говорили красноречивее любых самых тщательно подобранных слов. Особенно самых тщательно подобранных слов.

– Понятно, – она поджала губы, которые Марк ночью с такой жадностью кусал.

– Считай это моим скромным подарком на твой выпускной, – безразличие в голосе Марка укололо Веру в самое сердце.

Оно тут же разбилось. И осколки убили бабочек, разлетающихся в животе. Ни одной живой теперь не осталось. Внутреннее излияние крови причиняло адскую боль.

– Если ты в меня втрескалась, то это твои проблемы. Я тебе ничего не обещал, – почти равнодушно, но с легкой ноткой самодовольства проговорил Марк, тем самым добив ее окончательно.

Сердце перестало качать кровь. И теперь вены заполнялись болью. Одновременно стало стыдно и обидно. Вера закрыла лицо руками, чтобы сдержать слезы. Марк еще полминуты смотрел на нее, будто наслаждался чужим горем, а она, немощная и разочарованная, оставалась сидеть в неловкой позе на согнутых ногах с закрытым ладонями лицом. Волосы скрывали ее от теплых лучей солнца и его брезгливого взгляда.

Осознание, что ее использовали и выбросили как одноразовую салфетку, было невыносимо. А она ведь верила в сказки. Не в те, которые про нереальных Золушек и прекрасных принцев, а в свою сказку. В ней сидела убежденность, что волшебное счастье должно снизойти

до нее. И оно снизошло вместе с его мокрыми поцелуями и сильным членом, с болью раздвинувшим упругую плоть и разорвавшим тонкую плеву. Но сказке быстро пришел конец.

– Ненавижу тебя, – прошипела Вера.

Марк только этого и ждал. Он с победоносным видом поднялся с булыжника, чмокнул ее в макушку и, потрепав волосы, ушел без ответа.

А Вера осталась сидеть на берегу, утопая в собственных слезах. Это было жестко. Позорное поражение. Грудь сдавливало, словно плотный газ окружал ее, не давая ни вздохнуть, ни выдохнуть. Она замерла, как статуя, с поломанной душой. Слезы текли по щекам, но это не помогало облегчить боль.

Вера проследила за тем, как Марк уходит в чащу леса, одновременно любя и ненавидя его всем расколотым сердцем. Она просидела на берегу около двух часов, пытаясь успокоиться и натянуть улыбку на лицо. Но глаза по-прежнему оставались красными, а губы дрожали, удерживая крик отчаяния.

Зашелестели палатки. Друзья брата просыпались по очереди и вылезали из брезентовых домиков. Вот-вот должны были проснуться и Игорь с Мариной. Вера понимала, что брат не должен ни о чем узнать, потому тщательно умывалась холодной водой, чтобы смыть все следы расстройства. Через полчаса напряженных усилий это наконец удалось. Кривая улыбка оставила на щеках еле заметные ямочки. Глаза стали такими же холодными и пустыми, как озеро. И все как будто встало на свои места.

Глава 2. Цепь отверженных

Только под действием алкоголя Марк кое-как забывал о ненависти к себе и этому миру. В квартире было тише, чем в гробу. Окна он все зашторил. Двери закрыл. Сам валялся на диване в одних трусах, да и те натянул криво впопыхах после душа. Всего полчаса назад от него ушла не самая приличная девка, имени которой он даже не пытался узнать. Они вместе напились, сделали то, ради чего познакомились, и разошлись. Девка не торопилась, но Марк ее выпроводил. Ему хотелось побыть одному. В последнее время это редко удавалось.

Работа в компании отца выматывала каждодневным общением с множеством коллег и клиентов. Сам отец требовал от него слишком многого, загружал неприятной работой, заставлял отчитываться о каждом шаге, но больше утомлял тем, что ругал за любую оплошность так, будто Марк спускал судьбы мира в унитаз.

И при этом некогда было даже подумать. Постоянно приходилось находиться среди людей. Не то чтобы он чувствовал себя неловко, просто это мешало ему сосредоточиться на чем-то как будто бы очень важном. Он все время пытался философствовать, а все эти пустые разговоры отнимали кучу времени, не принося никакой пользы.

Марк никогда не был душой компании, постоянно оставался в тени, на шумных вечеринках отсиживался в углу, попивая бокал за бокалом настоявшегося виски. Девушки на него особого внимания не обращали, потому что он на них не обращал внимания, предпочитая знакомиться в дорогих клубах с дешевыми девицами на одну ночь. Максимум позволял себе несколько свиданий и то ради одного простого действия. Девиц он специально выбирал легкомысленных, простых и глуповатых, будучи убежденным, что после Марины никого полюбить не сможет.

Ее образ гниющей язвой поглощал сердце, заставляя унывать с каждым днем все сильнее и сильнее. Марина с ним практически не общалась в последнее время, словно чувствовала неладное, догадывалась о его измученной любви. Она ощущала себя с ним некомфортно и почти никогда не смотрела в глаза. А Игорь всегда был такой беззаботный или только делал вид, но ничего странного не замечал и по-прежнему считал Марка закадычным другом, ни капельки не сомневаясь во взаимности.

Весь вчерашний мучительный день Марку приходилось перебарывать чувство ревности и зависти и как можно более дружелюбно улыбаться имениннику Игорю. Марку казалось, что за день он постарел лет на десять. После таких моральных утруждений жаждалось грязного секса и чистого виски. Когда все желания исполнились, можно было поваляться на диване в полубредовом состоянии и до бесконечности жалеть себя, виня во всех бедах окружающий мир. Это занятие Марк любил больше всего.

Даже чтение не любил так сильно, как себяжаление, хотя мог читать сутки напролет, если попадалась интересная книга. Читал все подряд: и философские трактаты, и учебники по различным дисциплинам, и детективные романы, и научно-фантастические повести, и книжки по саморазвитию, и классику, и публицистику. Не любознательность тянула его к знаниям, просто чтение позволяло отвлечься от обычно мрачных дум и погружало мозг в иную реальность. Однако в последнее время книги он стал разбавлять алкоголем. Хороший виски тоже погружал мозг в иную реальность. И если бы не строгий отец, то Марк бы с удовольствием поселился в каком-нибудь гадюшнике.

Резко прервав его грузные мысли, раздался невыносимо громкий звонок домофона. Марк чуть не упал с дивана, а потом недовольно опустил ноги на холодный паркет и проворчал про себя: «Неужели она что-нибудь забыла?».

Но звонила не та, которую он прогнал полчаса назад, а Вера. Марк удивился, но открыл дверь. И через несколько минут она вышла из лифта. Не улыбалась и не светила счастливым

излучением, как раньше, наоборот, выглядела хмурой и решительной. Обеими руками, скрестив их на животе, Вера стягивала тонкий хлопковый плащ. На ногах блестели черным лаком высокие сапоги на толстом каблуке. Волосы почему-то были растрепаны, как будто она бежала, но дышала ровно. Вера волновалась, дрожала и смотрела отчаянными глазами.

За тот год, который прошел с выпускного, Вера приобрела кое-какой опыт. Сменила пару парней, ни к одному из них так и не проникнувшись даже симпатией. Теперь она училась на психологическом факультете и подрабатывала официанткой. И тоже начинала ненавидеть мир. Но Марка забыть не смогла. В основном обижалась и презирала, а в глубине души мечтала об их совместной счастливой жизни, хотя розовые очки значительно потемнели, став защитой не только от солнца, но и от наивной сентиментальности.

– Что ты здесь делаешь? – грубо спросил Марк, будучи немного рассеянным и как будто немощным, но все-таки понимающим, что происходит.

– В гости пришла. Соскучилась, – с сарказмом ответила Вера, бесцеремонно проходя мимо него в квартиру.

Вроде бы язвила, но, на самом деле, говорила чистую правду. Она действительно соскучилась, потому и пришла, ведь другой возможности повидаться с ним наедине не было. Они редко пересекались на общих вечеринках, как вчера на дне рождения брата, но Марк всегда углублялся в самый дальний угол, чтобы быть недосягаемым, а Вера в присутствии Игоря не решалась к нему подходить.

До вчерашней вечеринки они не виделись полгода. Она истосковалась. Даже думала, что забыла Марка, но как только увидела хмурое лицо с ясными карими глазами, утонула в пучине заброшенных чувств. И всю ночь не могла найти себе места, потому и решила явиться сама, причем действовала радикально, не ожидая от себя такой дерзости.

– Зачем? – Марк тяжело вздохнул, будто смирился с ее присутствием и своим потерянным одиночеством.

Алкоголь туманил мышление.

– Ты ведь меня избегаешь постоянно.

– Наверное, на то есть причины, – он скривил равнодушное лицо в фальшивой улыбке, даже не пытаясь притвориться вежливым.

Вера подняла одну бровь.

– Кроме той, что ты – подонок, есть более уважительные?

– Пожалуй, это основная, – хмыкнул Марк и плюхнулся в мягкое кресло-мешок, которое валялось на проходе из прихожей в гостиную.

Квартира-студия была большой и просторной. Марк придерживался аскетизма во всем – не только в обустройстве жилища. Широкая прихожая, оборудованная только вешалкой с зеркалом и настенным светильником, сразу приводила гостя в продолговатую кухню-гостиную. Вытянутый стол, больше напоминающий барную стойку, разделял комнату на две зоны. В этом ему помогала сквозная перегородка из множества квадратных полок, расположенных мозаикой на разных уровнях. Некоторые из них украшали стеклянные вазы различных форм и расцветок, остальные пустовали. Дальше стоял длинный диван, а вокруг валялось несколько цветных кресел-мешков. Затем следовал журнальный столик, который Марк превратил в кухонный. На нем стояли грязные тарелки и давно не мытые чашки. Крошки от съеденного валялись не только на столике, но и под ним, испачкав искусственную шкуру и упавшие диванные подушки. Всю противоположную от кухни стену занимал стеллаж с книгами. Марк накопил приличную библиотеку. Вера это оценила. Она часто видела его читающим.

Рядом со стеллажом было три двери: две из них вели к комнатам личной гигиены, а третья – в спальню. На последнюю она взглянула кокетливо с надеждой в глазах.

– Здесь тебе бежать некуда, – Вера распахнула плащ, под которым носила только кружевное белье и чулки.

Зрелище взбудоражило Марка, то есть ее сексуальное тело. Одна бровь непроизвольно потянулась вверх от полученного визуального удовольствия. В трусах набухало, хотя он выплеснул пар всего час назад. Вера уловила этот момент. Но он быстро вернул себе хладнокровный вид. Опустив взгляд, поправил под собой кресло, как будто от неловкости.

– И что все это значит?

– А то ты не понимаешь? – игриво улыбнулась Вера.

Она гордилась тем, что удалось его смутить, хоть и совсем чуть-чуть. Марк открыто уставился на ее грудь, презрительно усмехаясь.

– Я должен пасть к твоим ногам после этого? Ты, видимо, слишком переоцениваешь свою красоту.

– И все-таки красоту.

В глазах Веры замаячила вспышка коварства.

– Знал бы твой брат, чем и с кем ты занимаешься, – Марк перевел взгляд на ее самодовольное лицо, которое тут же сменило выражение на укорительное. – Ладно, раз ты напрашиваешься.

Он хмыкнул и поднялся с кресла. Приблизившись к Вере, грубо обнял ее за талию. Кривая ухмылка рассклала симметричное лицо. Ему нравилось, что она сама предлагает себя унижить и тем самым отомстить Игорю. Грех было не воспользоваться такой возможностью. К тому же физиологию никто не отменял. Секс с другими девушками больше напоминал физические упражнения, но здесь было что-то еще – тут он получал удовольствие от того, что спит с сестрой ненавистного соперника. Жажда мести возбуждала. Это нельзя было сравнить с занятием любовью, чем он никогда не занимался, поскольку любил только Марину, но здесь тоже были чувства. Другие, но чувства.

За этот год Вера научилась некоторым женским и не только премудростям, стала более страстной и гибкой. В ней горело столько огня, что Марк чуть не загорелся сам. Она явно сильно по нему скучала. Долго делала минет, не позволяя кончить. Останавливалась почти на пике, с причмокиванием выпускала член пухлыми губами, а затем медленно обводила его языком и снова проглатывала, закрывая глаза. Член от крепкой хватки твердел за секунды и упирался чувствительным концом в гладкое небо, подпихиваемый снизу упругим языком. Марку нравилось трогать ее за волосы и сжимать их худыми пальцами, чтобы стон не вылетал из груди.

Так и не дав ему кончить, Вера резко выпустила член изо рта, быстро поднялась и, пользуясь его жесткостью, села сверху, с силой сжав мускулистыми бедрами узкий таз. Медленные покачивающиеся движения и нажим тонких рук на грудь отдавались нервным импульсом по всему телу Марка. Кожа вскипала от каждого прикосновения щекотливых волос, которые свисали ему на живот и ребра. Вера с закрытыми глазами стонала, учащая дыхание, и остро вцеплялась когтями в угловатые плечи. Упругие женские груди покачивались вместе с телом, стучаясь друг о друга. Торчащие соски манили его губы. Он хотел зажать их до боли и сосать, не отрываясь. И мять круглую мякоть с жадностью. Еще обхватить тонкую талию обеими руками и с силой прижать к себе, чтобы кожей чувствовать тепло и влажность ее тела.

Но Вера не давала ему подняться, давя на плечи. Таз двигался все быстрее. Дыхание становилось громче. Она откинула голову назад вместе с волосами и стала неистовой в своей красоте и страсти. Марк медленно прохаживался голодным взглядом по длинной шее, глубоким ямочкам между плечами и ключицей, аппетитной груди и плоскости белого живота, углубившегося из-за выступивших ребер. Ему не хотелось кончать. Слишком притягательным казался вид. Но Вера зверски разошлась и в конце с силой сжала мощные бедра. Из груди вырвался отчаянный стон. Марк не выдержал удовольствия и выплеснул его прямо внутри нее. Девушка обмякла, разжала тиски и уткнулась руками в его грудь, тяжело дыша.

Марк вынул член. Спермы в презервативе осталось немного, яйца были пусты, но ему не хватило. Он смотрел на Веру полузакрытыми глазами, все еще жадно и с легкой досадой, что все так быстро закончилось. Он не успел взять ее сзади. В памяти всплывали кадры из палатки. Тогда он был нежен с ней, боясь вызвать у друзей подозрения. Теперь бы он ее отодрал по полной, ударно вонзал бы член в обволакивающую плоть, не обращая внимания на крики, чтобы круглые ягодички стучались о его напряженные бедра и расходились волнами. Он бы их шлепал хлестко и сжимал пальцами, заходя все глубже и глубже. В фантазии он еще слышал ее низкие стоны – одних этих звуков хватало, чтобы возбуждаться. Но член уже размяк. Два оргазма за два часа для него и так было много. На третий ему никогда не хватало сил.

Все произошло на диване в гостиной. Вера осталась лежать с закрытыми глазами на одной из подушек, а Марк скатился на пол и достал ноутбук, надеясь, что, вымотавшись, она уснула. Ему, наоборот, захотелось поработать. Он чувствовал приятную расслабленность во всем теле, но голова соображала хорошо. Он любил такие моменты. Казалось, это было вдохновение.

Будучи архитектором, Марк помимо основной работы на отца выполнял заказы на частные дома и коттеджи, бессмысленно надеясь за счет этого добиться хоть какой-нибудь независимости. Он понимал, что это ни к чему не приведет – отец его так просто не отпустит, но все равно делал непонятно зачем. На выходные взялся за проект двухэтажного коттеджа с джакузи. Образ нового дома внезапно предстал в сознании яркими красками. Марк долго ломал голову над фасадом здания, но теперь все стало предельно ясно. Осталось лишь начертить.

– Сразу работать? – голос Веры пронзил его насквозь, но Марк не подал вида. В своих мыслях он уже остался один в квартире.

Она потянула руку к его растрепанным волосам, будто желая схватить и выдрать клоч, но Марк не дал коснуться их, наклонив голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.